У истоков российского политического модерна: «подтибрил» ли Радищев свой проект Просвещения у Канта? (И если да, то почему не сослался?)

Виктор Каплун

Научный руководитель, исследовательский центр *Res Publica*, Европейский университет в Санкт-Петербурге (ЕУСПб); доцент, департамент социологии, Санкт-Петербургская школа социальных наук и востоковедения, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (НИУ ВШЭ СПб). Адрес: 191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1А. E-mail: kaploun@eu.spb.ru.

Ключевые слова: Александр Радищев; Иммануил Кант; Просвещение; классический республиканизм; публичное использование разума; публичная сфера; *hommes de lettres*; политическая теория; литературная теория; политическая современность.

В статье доказывается, что «Путешествие из Петербурга в Москву» Александра Радищева содержит фрагмент, который представляет собой прямое заимствование из статьи Иммануила Канта «Ответ на вопрос: Что такое Просвещение?» (1784). Автор рассматривает этот фрагмент как ключ к пониманию логики радищевского республиканского проекта Просвещения и политического модерна в России. Радищев, как и Кант, мыслит Просвещение как особый исторический этап развития европейского человечества и как ядро эмансипационного проекта Нового времени — проекта перехода европейских обществ из состояния зависимости от деспотической власти (состояние рабства) к автономии, или самоуправлению (состояние свободы). Хотя в период написания «Путешествия» статья Канта еще не имела хождения в России, Радищев с очевидностью ее знает; он заимствует у Канта

не просто фрагмент текста, но в значительной мере всю политико-философскую проблематику, связанную с концептом «публичного использования разума», адаптируя ее к общественно-политической ситуации в России конца XVIII века.

Но если Радищев действительно берет формулировку проекта Просвещения непосредственно у Канта (по крайней мере, частично), то почему он не ссылается на первоисточник? Более того, зачем второстепенными отсылками в тексте «Путешествия» он направляет читателя по ложному следу (а вместе с читателем — и несколько поколений историков литературы)? Ответ на этот вопрос в перспективе современной политической теории позволяет лучше понять специфику российского Просвещения и литературных практик последней трети XVIII — начала XIX века.

...Екатерина II... вступила на престол, когда уже Фридрих II в Пруссии давал властителям примеры как на троне воцарять любомудрие... <...> К великой чести ея послужит на дальнейшее потомство, что она в Наказе своем освятила правила обществ непреложные, цель оных, и намерение обнаружила и хотела царствовать над обществом, управлять народом блаженным, или лучше сказать *дать ему управляться самому собою*, оставляя себе одно верховное всего надзирание. <...> Если в течение своего долговременного царствования, а особливо при конце оного, она отступила от многих своих правил, то была, может быть, разстроена в оных внешними и внутренними смутностями, и наконец, платила долг природе при долговременном ее правлении. И кто от смертных в течение жизни своей мог быть всегда одинаков?..

Александр Радищев. О законоположении (1801–1802)¹

I

В 1784 ГОДУ в берлинском ежемесячнике *Berlinische Monatsschrift* будет опубликована статья Иммануила Канта «Ответ на вопрос: Что такое Просвещение?». Уже в наше время, начиная примерно с 1960-х годов, эту небольшую статью начнут рассматривать как своего рода манифест общеевропейского движе-

Автор выражает признательность участникам двух регулярных семинаров — семинара исследовательского центра *Res Publica* Европейского университета в Санкт-Петербурге и межкампусного семинара НИУ ВШЭ «Литература во второй степени: проблемы и перспективы современной компаративистики», на которых обсуждались многие положения настоящей работы. Отдельная благодарность Дмитрию Калугину и Андрею Костину, взявшим на себя труд прочесть рукопись статьи и давшим автору ценные советы. Важную помощь в подготовке статьи оказала Татьяна Борисова. Многие идеи этой работы обрели форму в многолетних обсуждениях с Олегом Хархординым — без его участия она вряд ли стала бы возможной.

1. Радищев А. Н. О законоположении (1801–1802) // Полн. собр. соч.: В 3 т. Т. 3 / Под ред. Н. К. Пиксанова и др. М.; Л.: АН СССР, 1954. С. 147–148. Курсив мой. — В. К.

ния Просвещения и станут видеть в ней формулировку центральной идеи эмансипационного проекта Нового времени².

Ниже я попытаюсь показать, что в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищева есть фрагмент текста, который следует считать прямым заимствованием из статьи Канта, и этот фрагмент важен для понимания общей логики проекта политического модерна, как его видит Радищев. Я попытаюсь показать, что, хотя во второй половине 1780-х годов, когда Радищев пишет свое великое и злосчастное «Путешествие», статья Канта еще не имеет хождения в России, Радищев, очевидно, ее уже знает, и, когда формулирует в «Путешествии» свою идею проекта Просвещения в России, в качестве источника использует, среди прочего, и эту статью. Речь идет о понимании Просвещения как особого исторического движения и одновременно особой исторической задачи европейского человечества. Кант обозначает это движение и эту задачу словом «выход»; согласно его знаменитой формуле, Просвещение есть выход человеческого рода и каждого отдельного человека из «состояния несовершеннолетия». Говоря современным языком, речь идет о переходе европейских обществ от состояния слепого подчинения внешним инстанциям власти, понимаемого как состояние рабства (общества «традиционные»), к состоянию автономии, или самоуправления, понимаемому как состояние свободы (общества «современные», или современные). Я попытаюсь показать, что как минимум в одной из своих формулировок идеи Просвещения как исторического феномена Радищев следу-

2. См.: Фуко М. Что такое Просвещение? // Он же. Интеллектуалы и власть: В 3 т. М.: Праксис, 2002. Т. 1. С. 335–359; Хабермас Ю. Структурная трансформация публичной сферы: Исследования относительно одной категории буржуазного общества. М.: Весь мир, 2016. См. также: Chartier R. Public Sphere: Eighteenth-Century History // International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences / N. Smelser, P. Baltes (eds). Amsterdam: Elsevier, 2001. P. 12590–12594; Хабермас Ю. Модерн — незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 40–52; Он же. Философский дискурс о модерне / Пер. с нем. М. М. Беляева. М.: Весь мир, 2008; Шартье Р. Культурные истоки Французской революции / Пер. с фр. О. Э. Гринберг. М.: Искусство, 2001. О российском Просвещении в кантианской перспективе см. нашу статью: Каплун В. Что такое Просвещение? Рождение публичной сферы и публичной политики в России // Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт развития и взаимодействия / Под ред. А. Сунгурова. М.: РОССПЭН, 2008. С. 333–345. О заочной дискуссии Хабермаса и Фуко и о различиях в их интерпретации кантовского проекта Просвещения см. нашу статью: Он же. Современность по Фуко: альтернативный проект Просвещения // Неприкосновенный запас. 2015. № 1. С. 104–119.

ет за Кантом и что в данном случае следует говорить не о неких общих «интеллектуальных влияниях» и не о «трансферте идей», но именно о прямом заимствовании.

Но если, действительно, Радищев заимствует, по крайней мере частично, формулировку проекта Просвещения — а заодно и фрагмент текста — непосредственно из статьи Канта, то почему он не сослался на первоисточник? И более того, зачем в соответствующем месте текста «Путешествия» он второстепенными отсылками направил читателя по ложному следу, параллельно вводя в заблуждение последующие поколения историков литературы? Я попытаюсь показать, что ответ на этот вопрос в перспективе современной политической теории позволяет лучше понять специфику российского проекта Просвещения и литературных практик последней трети XVIII — начала XIX века.

II

Обратимся к тексту «Путешествия». В главе «Подберезье» Радищев устами своего альтер эго, Путешественника, от лица которого ведется повествование, признается:

Не обличи меня, любезной читатель, в моем воровстве; с таким условием я и тебе сообщу, что я *подтибрил*. Когда же прочтешь, то знаю, что кражи моей наружу не выведешь; ибо не тот один вор кто крал, но и тот кто принимал, так писано в законе Руском. Признаюсь, я на руку нечист; где что немного похожее на разсудительное увижу, то тотчас стяну; смотри, ты не клади мыслей плохо...³

Историки литературы и радищеведы привыкли видеть в этом пассаже «Путешествия» (и в других, подобных ему) не более чем ироническую фигуру стилия и одновременно литературный прием, вводящий текст в текст или рассказ в рассказе; цель приема — условное обозначение фрагмента собственного текста автора как якобы чужого, принадлежащего одному из персонажей⁴.

3. Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву / Подг. и прим. А. В. Западова (текст) и Я. Л. Барскова (варианты и прим.) // Полн. собр. соч.: В 3 т. Т. 1 / Под ред. И. К. Луппола и др. М.; Л.: АН СССР, 1938. С. 259. Курсив мой. Далее «Путешествие» цитируется по этому изданию. — В. К.
4. См., напр.: Костин А. Композиция и проблематика главы «Подберезье» «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева // А. Н. Радищев: русское и европейское Просвещение. СПб.: СПбНЦ РАН, 2003. С. 23, 26.

В частности, в главе «Подберезье» с помощью приведенной цитаты в повествование вводится самостоятельный цельный фрагмент текста с элементами масонской эзотерики, по сюжету представленный Радищевым как содержимое тетрадки, оброненной неким семинаристом, который встретился Путешественнику на станции⁵.

Эта литературоведческая трактовка приведенного фрагмента, конечно, верна. Но, возможно, у шутливого признания Путешественника есть еще один, менее очевидный смысл. Возможно, его реплика относится не только к следующим далее в главе «Подберезье» рассуждениям из «семинаристской тетрадки», но и к другим фрагментам радищевского текста — как раз к тем, которые Радищев либо вообще не выделяет в качестве «чужих», либо атрибутирует совсем не тем авторам, у которых на самом деле их заимствует.

Как бы то ни было, ниже мы увидим, что по крайней мере в отношении кантовского определения Просвещения и фрагмента кантовского текста Радищев поступил именно так: говоря языком Путешественника, «подтибрил».

III

Фрагмент, который, очевидно, является прямым заимствованием у Канта, мы находим в главе «Торжок», посвященной проблеме цензуры. Вспомним ее начало:

Здесь на почтовом дворе, встречен я был человеком, отправляющимся в Петербург на скитание прошения. Сие состояло в снискании дозволения завести в сем городе свободное книгопечатание. Я ему говорил, что на сие дозволения ненужно; ибо свобода на то дана всем. Но он хотел свободы в ценсуре; и вот его о том размышлении.

Типографии у нас всем иметь дозволено, и время то прошло, в которое боялися поступатья оным дозволением частным людем... Теперь свободно иметь всякому орудии печатания, но то, что печатать можно, состоит под опекою⁶.

Это начало главы отсылает к ситуации с книгопечатанием и цензурой, сложившейся в России в 1780-х годах. Как известно, в итоге она затронет Радищева лично. Цензурная редакция «Путеше-

5. Подробнее см.: Там же. С. 25–35.

6. *Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. С. 330.

ствия» (та, которую Радищев подаст для получения разрешения на печатание и которая будет одобрена цензором) будет закончена к концу 1788 года, но позднее Радищев внесет в нее значительные изменения, не уведомив о них цензурное ведомство, и напечатает книгу с этими изменениями. Глава «Торжок» писалась в несколько приемов. Первая часть главы была написана в 1786 году. Отдельные дополнения к ней и большой очерк об истории цензуры Радищев добавит в 1790 году, уже после того, как рукопись книги получит цензурное разрешение⁷. Он также внесет изменения в другие главы. Цензурные нарушения станут одним из оснований, хотя и не главным, для заведения против него уголовного дела и окончательного приговора.

Вспомним, какова была ситуация с цензурой, которую имеет в виду собеседник Путешественника в этих первых абзацах главы «Торжок». 15 (26) января 1783 года Екатерина издает указ «О вольных типографиях». Указом разрешается частным лицам «каждому по своей собственной воле заводить оные типографии», не спрашивая специального разрешения властей. В этом отношении указ предписывал приравнивать типографии к прочим видам производства («не различать от прочих фабрик и рукоделий») и был встречен образованной публикой как прогрессивный жест в духе идеалов Просвещения. Но в то же время указ сохранял цензуру как институт и закреплял цензурную функцию за «управами благочиния» (то есть за полицейскими ведомствами)⁸. Посколь-

7. См. комментарий Якова Барскова в: Там же. С. 479. См. также комментарий Владимира Западова в: *Он же. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность* / Подг. В. А. Западова. СПб.: Наука, 1992. С. 507.

8. «15 Января 1783. Именной, данный Сенату. — О позволении во всех городах и столицах заводить Типографии и печатать книги на Российском и Иностранных языках, с освидетельствованием оных от Управы Благочиния. Всемилостивейше повелеваем Типографии для печатания книг не различать от прочих фабрик и рукоделий, и в следствие того позволяем, как в обеих Столицах Наших, так и во всех городах Империи Нашей, каждому по своей собственной воле заводить оные Типографии, не требуя ни от кого дозволения, а только давать знать о заведении таковом Управе Благочиния того города, где он ту Типографию иметь хочет. В сих Типографиях печатать книги на Российском и на иностранных языках, не исключая и Восточных, с наблюдением однакож, чтоб ничего в них противного законам Божьим и гражданским, или же к явным соблазнам клонящегося издаваемо не было; чего ради от Управы Благочиния отдаваемые в печать книги свидетельствовать, и ежели что в них противное сему Нашему предписанию явится, запрещать; а в случае самовольного напечатывания таковых соблазнительных книг, не только книги конфисковать, но и о виновных в подобном самовольном издании недозволен-

ку цензурные правила формулировались в указе расплывчато и управы благочиния тоже не получили никаких точных регламентов и инструкций, цензурность изданий в каждом конкретном случае определялась во многом произвольным решением полицейских чинов.

В главе «Торжок» мы видим реакцию Радищева на это положение. В частности, заявляя здесь о необходимости полной отмены цензуры, он подчеркивает особую нелепость и вред ситуации, когда контроль над Просвещением, или «шествием разума», доверяется малообразованным и косным полицейским чинам:

Один несмысленной урядник благочиния может величайший в просвещении сделать вред, и на многия лета остановку в шествии разума; запретит полезное изобретение, новую мысль и всех лишит великаго...⁹

Но в главе содержится нечто большее, чем просто реакция на текущую ситуацию с цензурой в России. В последней части главы, в большом очерке-исследовании об истории цензуры, мы находим подробный философско-исторический анализ проблемы цензуры в европейской истории в ее связи с историей церкви как института власти¹⁰, а в первой части Радищев обсуждает проблему свободы печати в целом, представляя ее как центральную для проекта Просвещения.

Я ограничусь рассмотрением только первой части главы, где и находится фрагмент, который свидетельствует о том, что Радищев был непосредственно знаком со статьей Канта, и который следует рассматривать как адаптацию или даже вольный перевод фрагмента кантовского текста.

Вернемся в начало главы «Торжок». Радищев продолжает¹¹:

ных книг сообщать, куда надлежит, дабы оные за преступление законно наказаны были» (цит. по: Русская журналистика в документах: история надзора / Сост. О. Д. Минаева; под ред. Б. И. Есина и Я. Н. Засурского. М.: Аспект Пресс, 2003).

9. *Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. С. 331.
10. Отметим в качестве отступления, что для современного читателя это критическое аналитическое эссе Радищева содержательно перекликается — неожиданно актуальным образом — с «генеалогическими» исследованиями Мишеля Фуко, посвященными технологиям и историческим метаморфозам пастырской власти.
11. Радищев использует здесь тот же прием, что и в других местах «Путешествия». Он представляет собственные тезисы не как авторские, но как пересказ размышлений одного из персонажей — в данном случае некоего человека, встреченного Путешественником на станции.

Теперь свободно иметь всякому орудии печатания, но то, что печатать можно, состоит под опекою. Цензура сделана нянькою разсудка, остроумия, воображения, всего великаго и изящнаго. Но где есть няньки, то следует, что есть ребята, ходят на помочах, от чего нередко бывают кривые ноги; где есть опекуны, следует, что есть малолетные, незрелые разумы, которые собою править немогут. Если же всегда пребудут няньки и опекуны, то ребенок долго ходить будет на помочах и совершенной на возрасте будет каляка. Недоросль будет всегда Митрофанушка, без дятки не ступит, без опекуна не может править своим наследием. Таковы бывают везде следствия обыкновенной цензуры, и чем она строже, тем следствия ее пагубнее¹².

Сравним этот фрагмент с началом статьи Канта. В первых фразах статьи Кант дает свое определение Просвещения, которое впоследствии станет знаменитым:

Просвещение — это выход человека из состояния несовершеннолетия (Unmündigkeit), в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие — это неспособность пользоваться своим рассудком (Verstand) без руководства со стороны кого-то другого. Несовершеннолетие по собственной вине имеет причиной не недостаток рассудка, а недостаток решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого. Sapere aude! Имей мужество пользоваться собственным умом (Verstand)! — таков, следовательно, девиз Просвещения¹³.

Мы видим в этих фрагментах Радищева и Канта (и далее по тексту) не только перекличку содержательных тезисов, но и использование одних и тех же слов, фигур речи, образов и метафор. Цензура, говорит персонаж Радищева, пагубна, поскольку поддерживает человека в состоянии «незрелости разума». Незрелый разум — это такой, который неспособен управлять собой сам, без руководства со стороны других. Отсюда — образ «опекунов» в сфере разума («где есть опекуны, следует, что есть малолетные, незрелые разумы, которые собою править немогут»).

12. Там же. С. 330.

13. Я пользуюсь здесь имеющимся современным русским переводом: *Кант И.* Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? / Пер. с нем. Ц. Г. Арзаканьяна // Собр. соч.: В 8 т. / Под общ. ред. А. В. Гулыги. М.: Чоро, 1994. Т. 8. С. 29. Курсив автора. Здесь и далее в цитатах, там, где требуется сопоставление перевода с оригиналом, вставки в скобках с оригинальными немецкими терминами Канта и с уточнениями их значений на русском принадлежат мне. — В. К.

Просвещение, читаем у Канта, это «*выход человека из состояния незрелости*» (*der Ausgang des Menschen aus seiner... Unmündigkeit*). Незрелость есть «неспособность пользоваться своим разумом (*Verstand*) без руководства со стороны кого-то другого» (*das Unvermögen, sich seines Verstandes ohne Leitung eines anderen zu bedienen*)¹⁴. Речь идет о неспособности самостоятельно управлять собой в сфере разума (и, как следствие, во всех остальных конкретных сферах жизни), иными словами, о неспособности к самостоятельности, самоуправлению, или, если вспомнить еще один кантовский термин, к автономии. Незрелость — неспособность самостоятельно пользоваться своим разумом — означает подчиненность разума воле другого. Когда речь идет не о ребенке, но о взрослом человеке, подчиненность его разума воле других, «опекунов», есть современная форма отношений господства и рабской зависимости — состояние, с точки зрения Канта, недостойное человека. Ибо каждый человек как моральное существо в достаточной степени наделен разумом, чтобы брать на себя ответственность за себя, становиться субъектом собственных суждений и действий. В этом Кант видит достоинство человека, отличающее его от животного и от машины.

Просвещение — как задача и одновременно как уже идущий исторический процесс — есть выход из такого состояния рабской зависимости; его следует понимать не как разовый шаг, а как постепенное движение от этого состояния к состоянию свободы¹⁵.

Но движению выхода намеренно препятствуют «опекуны» (это слово и этот образ использует Кант), заинтересованные в поддержании людей в состоянии незрелости и покорной зависимости. Кант продолжает:

14. Немецкое *Unmündigkeit* может быть передано на русском и как «несовершеннолетие», и как «незрелость». В процитированном выше современном русском переводе Цолака Арзаканьяна сделан выбор в пользу более метафорического значения — «несовершеннолетие». Кантовское *Verstand* может быть передано и как «рассудок», и как «ум», и как «разум». Радищев, свободно владевший немецким языком, мог читать статью Канта только по-немецки, поскольку ее русских переводов в то время не существовало и сама статья не была известна в России широкой публике. Если мы принимаем, что рассматриваемый фрагмент текста Радищева является переложением на русский текста Канта, то должны констатировать, что в отдельных нюансах смысла русский язык Радищева ближе к оригиналу Канта, чем современный русский перевод. См. также сноску 16.
15. Отметим здесь у Канта и у Радищева одинаковое имплицитное понимание свободы как противоположности рабству, соответствующее пониманию свободы в традиции классического республиканизма.

То, что значительное большинство людей... считает не только трудным, но и весьма опасным переход к совершеннолетию [*Schritt zur Mündigkeit*, шаг к зрелости], — это уже забота опекунов (*Vormünder*), столь любезно берущих на себя верховный надзор над этим большинством. После того как эти опекуны оглушили свой домашний скот и заботливо оберегли его от того, чтобы эти покорные существа осмелились сделать хоть один шаг без вожжей (*Gängelwagen*), на которых их водят¹⁶, — после всего этого они указывают таким существам на грозящую им опасность, если они попытаются ходить самостоятельно. <...>

Итак, каждому отдельному человеку трудно выбраться из состояния несовершеннолетия, ставшего для него почти естественным¹⁷.

Сравнивая текст Радищева с текстом Канта, мы видим не просто сходство содержательного тезиса и метафоричности, но местами дословные совпадения: «незрелые разумы», не способные управлять собой самостоятельно, «опекуны», которые намеренно водят людей на «помочах» незрелости, не позволяя им учиться делать шаги самостоятельно и добиваясь, чтобы человек, став взрослым, в том, что касается автономии, по-прежнему оставался подобным ребенку. И если принять, что Радищев действительно знал статью Канта и опирался на нее, то появление в его тексте отсылки к образу недоросля Митрофанушки из популярной у российской образованной публики комедии Фонвизина можно считать естественной адаптацией тезиса Канта и соответствующего фрагмента кантовского текста для современного Радищеву российского читателя¹⁸.

16. *Gängelwagen* — ходунки в виде рамы на колесиках, внутрь которой помещают маленького ребенка, учащегося ходить и еще неспособного ходить самостоятельно, чтобы предохранить его от падений и травм. Кант использует эту метафору также в «Критике способности суждения» (B174 (A132)). В русском переводе Николая Лосского кантовский *Gängelwagen* в «Критике» передан как «подпорки»: «Примеры суть подпорки (*Gängelwagen*) для способности суждения, без которых не может обойтись тот, кому недостает этого природного дара» (*Он же*. Критика способности суждения // Собр. соч. Т. 5. С. 154). В том, что касается рассматриваемого нами фрагмента, радищевский вариант «помочи» значительно точнее передает смысл кантовской метафоры, чем выбранный в современном переводе Арзаканьяна вариант «вожжи».

17. *Он же*. Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? С. 30.

18. Комедия Фонвизина была написана в 1781 году, сценическая премьера прошла с большим успехом в Петербурге в 1782-м, первое печатное издание комедии вышло в 1783 году.

Но этим содержательные совпадения двух текстов не исчерпываются. Главный злободневный мотив обоих — конкретная политическая проблема, проблема государственной цензуры; именно с ней связано основное институциональное условие успеха Просвещения. Именно цензура печати, настаивает Радищев, — «нянька рассудка» и главный инструмент власти «опекунов» — ведет к тому, что человек, вырастая, оказывается, подобно ребенку, во власти другого (и каждый отдельный человек, и общество, и, в конечном счете, весь человеческий род). Поэтому цензура должна быть упразднена. Этот тезис Радищева полностью совпадает с программным тезисом статьи Канта.

Вспомним, как Кант формулирует основное — необходимое и достаточное — условие успеха проекта Просвещения. Несмотря на то что благодаря усилиям опекунов состояние незрелости для большинства людей является чем-то привычным, выход из него для каждого отдельного человека и всего сообщества («публики», говорит Кант, *Publikum*) возможен. И не просто возможен, но «почти неизбежен». Для его реализации нужно только одно — предоставить гражданам свободу «публичного использования разума». Понятие «публичное использование разума» Кант вводит именно в этой статье и именно для того, чтобы сформулировать решающее условие успеха Просвещения:

Но более возможно, и даже почти неизбежно, что публика сама себя просветит, если только предоставить ей свободу. Ибо тогда даже среди поставленных над толпой опекунов найдутся самостоятельно мыслящие, которые, сбросив с себя иго несовершенности, распространяют вокруг дух разумной оценки собственного достоинства и призвания каждого человека мыслить самостоятельно. <...>

Для просвещения требуется только *свобода*, и притом самая безобидная, а именно свобода во всех случаях *публично пользоваться* собственным разумом. ...*Публичное* пользование собственным разумом [*Der öffentliche Gebrauch seiner Vernunft*, публичное использование своего разума] всегда должно быть свободным и только оно может дать просвещение людям...¹⁹

Что такое «публичное использование своего разума»? Кант вводит это понятие в паре с противостоящим ему «частным использованием разума» (*der Privatgebrauch seiner Vernunft*), но так, что техническое определение этих понятий во многом оказывается контр-

19. Там же. С. 30–31. Курсив автора.

интуитивным по отношению к привычному смыслу используемых слов:

Под публичным... применением собственного разума я понимаю такое, которое осуществляется кем-то как *ученым* (*als Gelehrter*) перед всей *читающей* публикой [*vor dem ganzen Publikum der Leserwelt*, перед всей публикой *читательского мира*]. Частным применением разума я называю такое, которое осуществляется человеком на доверенном ему *гражданском посту* или службе²⁰.

Иными словами, публичное использование разума — это использование разума человеком в такой ситуации, когда он, выступая в качестве ученого или, говоря современным языком, интеллектуала, действует как *частное лицо*, от своего собственного имени и руководствуясь только требованиями разума. Это использование разума, которое осуществляется через *печатное слово*, адресованное таким же частным лицам, *читателям*, образующим публичную сферу мира. Когда же человек действует, находясь на службе и выполняя предписанные его службой обязанности, он по определению осуществляет частное использование своего разума.

Таким образом, кантовское требование свободы публичного использования разума есть на уровне практики просто синоним требования полной отмены цензуры для частных лиц, ученых и интеллектуалов, обращающихся в публичном пространстве посредством печатного слова к своим читателям, тоже частным лицам и одновременно мыслящим представителям «публики». Когда Радищев в главе «Торжок» заявляет о необходимости упразднить государственную цензуру для частных лиц, открывающих собственные типографии, он фактически воспроизводит требование и основной аргумент Канта.

Согласно кантовскому определению, публичное есть сфера «универсального», приватное — сфера «домашнего». К сфере приватного-домашнего относится любое использование разума человеком, действующим не от собственного лица, но в качестве служащего какой-либо корпорации, в том числе сколь угодно большой, в частности церкви или государства. Когда чиновник говорит и действует как чиновник, то есть как «должностное лицо», член корпорации (сколь бы велика ни была аудитория, к которой он при этом обращается), он по определению осуществляет частное использование разума. Но если тот же человек обращается

20. Там же. С. 31. Курсив автора.

в публичном пространстве к читателям уже не как носитель функции, но от своего собственного имени, как частное лицо, и при этом, будучи «ученым», способен к самостоятельному и критическому использованию собственного разума через письменное или печатное слово, — он, по Канту, осуществляет публичное использование разума.

Единственное существенное отличие аргументов Радищева и Канта, которое обнаруживается при сравнении соответствующих фрагментов, состоит в том, что Кант в статье 1784 года делает акцент одновременно на двух составляющих процесса «выхода из состояния незрелости». Объявляя главным условием успеха Просвещения отмену цензуры печати для частных лиц — требование политическое, или институциональное, адресованное правительству, — он одновременно настаивает на том, что от каждого представителя «гражданского общества» требуется собственное индивидуальное усилие, направленное на внутреннее самосовершенствование, на развитие в себе способности самостоятельно критического мышления («*Sapere aude!* Имей мужество пользоваться *собственным умом!*»). Радищев же в приведенных фрагментах делает акцент почти исключительно на политическом требовании свободы печатного слова. Тема индивидуального самосовершенствования как составляющая проблематики Просвещения занимает у Радищева не менее важное место, чем у Канта, но он обсуждает ее в других текстах.

IV

Здесь же, в продолжении главы «Торжок», возникает еще одна важная тема, связанная с проблематикой публичного использования разума. Это тема «общественного мнения», или мнения публики, *opinion publique*, говоря языком французского Просвещения — в том, что касается публичной роли интеллектуала и конкретных практик публичного использования разума, Радищев ориентируется в основном на современную ему Францию. Именно здесь, в главе «Торжок» радищевского «Путешествия», мы находим, по-видимому, одно из первых в истории русской культуры упоминаний «общественного мнения» в том особом смысле, который это понятие обретает во французском общественно-политическом языке середины и начала второй половины XVIII века в связи с понятием *nation*²¹:

21. См. сноски 40, 41 и 42.

Заключу сим: цензура печатаемого принадлежит обществу, оно дает сочинителю венец, или употребит листы на обвертки. Равно как ободрение феатральному сочинению дает публика, а не Директор феатра. Так и выпускаемому в мир сочинению, цензор ни славы не даст ни безславия. Завеса поднялась, взоры всех устремились к действию; нравится, плещут; не нравится, стучат и свищут. Оставь глупое на волю *суждения общаго*; оно тысящу найдет ценсоров. Наистрожайшая полиция не возможет так запретить дряни мыслей, как негодующая на нее публика²².

«Суждение общее» здесь у Радищева — это ранний аналог в русском языке понятия «общественное мнение» в этом новом культурном смысле (само словосочетание «общественное мнение» закрепится в русском общественно-политическом языке и получит хождение в книжной культуре позже, по-видимому с 1810–1820-х годов). Не полиция, не управы благочиния, но публика должна быть судьей в вопросах ценности публичного слова — мыслей, художественных образов, критических суждений, адресованных читателям посредством печатных изданий. И далее в тексте Радищева звучит своего рода гимн трибуналу общественного мнения, которое при свободе книгопечатания должно стать новой главной общественно-политической силой:

Но если мы признали бесполезность цензуры, или паче ея вред в царстве науки; то познаем обширную и безпредельную пользу вольности печатания. <...>

Если свободно всякому мыслить, и мысли свои объявлять всем безпрекословно, то естественно, что все, что будет придумано, изобретено, то будет известно; великое будет велико, истинна не затмится. Недержнут правители народов удалиться от стези правды, и убоятся; ибо пути их, злость и ухищрение обнажатся. Возтрепещет судия, подписывая несправедный приговор, и его раздерет. Устыдится власть имеющий, употреблять ее на удовлетворение только своих прихотей. Тайный грабеж назовется грабежем, прикрытое убийство, убийством. Убоятся все злые строгаго взора истинны. Спокойствие будет действительное, ибо заквасу в нем небудет²³.

22. Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. С. 335. Курсив мой. — В. К.

23. Там же. С. 335–336. Об идее трибунала *opinion publique* во французском Просвещении см. сноски 41, 42 и далее.

V

Однако если Радищев, действительно, кроме прочих источников, опирался на статью Канта, когда писал главу «Торжок», то можем ли мы найти какие-либо иные подтверждения того, что он был непосредственно знаком с текстом статьи — помимо тех, что дает концептуальный и лексико-стилистический анализ? Попробуем встать на точку зрения радикальных скептиков. Не могут ли совпадения в текстах Радищева и Канта оказаться случайными? Не мог ли Радищев найти сходные вещи в других источниках? Или, например, воспользоваться пересказом кантовского фрагмента у другого автора? В данном случае такие предположения кажутся неправдоподобными. Использование рассмотренных выше фигур речи, образов и метафор (незрелость разума, неспособность пользоваться собственным умом, опекуны, помочи и др.) для характеристики Просвещения как философско-политического проекта, сама идея Просвещения как движения каждого отдельного человека и человеческого рода по направлению от состояния «незрелости» (рабской зависимости) к состоянию автономии (свободы) — движения, совпадающего с направленным движением всемирной Истории от варварства к культуре²⁴, — наконец, формулировка главного институционального условия успеха Просвещения (свобода публичного использования разума как свобода печатного слова для частных лиц) — все эти интеллектуальные изобретения принадлежат Канту. Их соединение в единую проблематику Просвещения вполне уникально и не является сколько-либо распространенным тропом ни в немецкой, ни тем более в российской книжной культуре этого времени²⁵ — даже если темы исторического шествия разу-

24. В другой своей статье 1784 года, «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане», Кант обозначит политическое состояние человеческого рода, к которому как к конечному пункту стремится это целеориентированное движение человеческой истории, как «всеобщее правовое гражданское общество» (*Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Собр. соч. Т. 8. С. 17*).

25. Об оригинальности кантовского определения Просвещения для германоязычной академической среды второй половины XVIII века см., напр.: *Круглов А. Н. Несовершеннолетие и задача истинного преобразования образа мышления. Часть I // Кантовский сборник. № 3 (49). Калининград: БФУ им. И. Канта, 2014. С. 20–21*. Нет никаких свидетельств о том, что статья Канта была известна читающей публике в России в период, когда Радищев пишет свое «Путешествие». В целом первые упоминания о Канте в российской печати (где, впрочем, также не упоминается статья

ма и цензуры сами по себе популярны и активно обсуждаются в просвещенческой культуре европейских стран середины и второй половины XVIII века. В такой ситуации вероятность случайного совпадения или опосредованного заимствования ничтожно мала. Но если все же необходимость в дополнительных, более прямых, свидетельствах в пользу нашего тезиса остается, то как минимум одно такое свидетельство существует. Мы находим его у самого Радищева.

Как известно, следствие по делу автора «Путешествия из Петербурга в Москву» закончится судом, который приговорит Радищева к смертной казни; по указу Екатерины она будет заменена ссылкой на десять лет в Илимский острог. По дороге в Илимск Радищев будет поддерживать переписку со своим неизменным покровителем и бывшим начальником по Коммерц-коллегии Александром Воронцовым, одним из влиятельнейших вельмож екатерининской эпохи, который в будущем, в начале правления Александра I, станет канцлером Российской империи.

Дорога займет больше года. В одном из писем из Тобольска, где Радищев будет вынужден сделать остановку на несколько месяцев, он просит Воронцова присылать ему газеты и другие печатные издания, по которым он мог бы следить за текущими политическими событиями и интеллектуальной жизнью Европы. В этом письме от 2 мая 1791 года, написанном по-французски, как и многие другие письма Радищева, мы находим важное для нашего вопроса фактологическое подтверждение. Радищев упоминает здесь тот самый журнал *Berlinische Monatsschrift*, в декабрьском выпуске которого за 1784 год была опубликована статья Канта «Ответ на вопрос: Что такое Просвещение?». И не просто упоминает. Приведу фрагмент:

Si je ne craignais de paraître impudent aux yeux de Votre Excellence, je vous aurais prié de me mettre au courant de la littérature des différentes langues dans lesquelles je lis. A Pétersbourg j'avais le journal allemand de Berlin, Berlinische Monatsschrift, et les catalogues des foires, Messcatalog, pour l'anglais un journal anglais dont je n'ai avec moi que la première année; pour le français le Journal Encyclopédique, pour le russe je ne sais²⁶.

о Просвещении) относятся, по-видимому, уже к 1790-м годам (см.: *Он же. Философия Канта в России в конце XVIII — первой половине XIX века. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. С. 118).*

26. *Радищев А. Н. Письма // Полн. собр. соч. Т. 3. С. 368.*

В русском переводе, включенном в академическое Полное собрание сочинений:

Если бы я не боялся показаться бесстыдным в глазах вашего сиятельства, я бы покорнейше просил вас ознакомить меня со всем, что есть нового о литературе на различных языках, на которых я читаю. В Петербурге я получал немецкую газету из Берлина, «Берлинский ежемесячник» и каталоги ярмарок, «Месскаталог», для английского чтения — прошу английскую газету, которая у меня есть лишь за первый год; для французского — «Энциклопедический дневник»; для русского — уж не знаю что²⁷.

Таким образом, по свидетельству самого Радищева, журнал «Берлинский ежемесячник» был его постоянным чтением в период жизни в Петербурге перед ссылкой, то есть в те годы, когда он обдумывает и пишет «Путешествие из Петербурга в Москву». В 1780-е годы это было основное немецкоязычное издание, по которому он следил за интеллектуальной жизнью Германии и Европы. «*A Pétersbourg j'avais le journal allemand de Berlin, Berlinische Monatsschrift...*» — пишет Радищев («в Петербурге у меня была немецкая газета из Берлина, „Берлинский ежемесячник“...»). Слова *j'avais...* («у меня была...»), очевидно, означают именно это: «Берлинский ежемесячник» в этот период служил его главным и регулярным чтением на немецком языке²⁸.

То, что Радищев, свободно владеющий немецким, проведенный в юности пять лет в Лейпцигском университете и знающий интеллектуальную жизнь немецкоязычного мира изнутри, продолжал внимательно следить за ней в петербургский период своей жизни, представляется совершенно естественным. Понятен и выбор немецкоязычного издания для этой цели. «Берлинский ежемесячник» был своего рода печатной площадкой известного берлинского «Общества по средам» (*Mittwochsgesellschaft*), в котором в 1780-е годы вращался целый ряд заметных берлинских интеллектуа-

27. Там же / Пер. с фр. М. Д. Добровой, под ред. Б. В. Томашевского. С. 369.

28. В интересующем нас аспекте более близким к тексту переводом первых строк цитируемого фрагмента был бы вариант: «Если бы я не боялся показаться бесстыдным в глазах Вашего Сиятельства, я бы покорнейше просил вас держать меня в курсе литературы на различных языках, на которых я читаю. В Петербурге у меня была немецкая газета из Берлина, „Берлинский ежемесячник“...» Стоит напомнить, что слово «литература» на языке эпохи не обязательно означает «художественная литература»; оно охватывает сочинения из самых разных областей знания и сфер книжной культуры.

лов — Иоганн Иоахим Шпальдинг, Моисей Мендельсон, Фридрих Николаи, Иоганн Якоб Энгель, Эрнст Фердинанд Кляйн, Карл Готтлиб Суарес, Вильгельм Абрахам Теллер и другие, а также сами издатели журнала Иоганн Эрих Бистер и Фридрих Гедике. Именно на страницах «Берлинского ежемесячника» в 1780-х годах развернется дискуссия о сущности Просвещения, в которой примет участие своей статьей Кант²⁹.

VI

Но если мы правы и Радищев, формулируя в главе «Торжок» свое понимание Просвещения, действительно прямо опирается на статью Канта, то нам, очевидно, следует попытаться ответить на два вопроса:

1. Почему этот факт не отмечен в посвященной Радищеву исследовательской литературе (как, впрочем, и в литературе, посвященной Канту)?

2. Почему сам Радищев не сослался на Канта?

Начнем с первого. «Путешествие из Петербурга в Москву» принадлежит, очевидно, к числу наиболее изученных произведений российской книжной культуры XVIII века. Ему посвящена огромная исследовательская литература. Однако автору этих строк не удалось найти в ней никаких указаний на то, что Радищев в главе «Торжок» мог опираться на статью Канта. Ничего нет на эту тему и в самых серьезных изданиях «Путешествия», подготовленных наиболее авторитетными специалистами по творчеству Радищева и снабженных всем должным научным аппаратом, в том числе подробными аналитическими комментариями — я имею в виду прежде всего цитировавшееся выше академическое Полное собрание сочинений Радищева, где автором комментариев к «Путешествию» был один из крупнейших российских и советских радищеведов Яков Барсков, и современное издание «Путешествия» в серии «Литературные памятники», подготовленное Владимиром Западным. У Барскова есть и отдельная большая статья, посвященная исключительно главе «Торжок», с подробными историко-культурными комментариями и детальным анализом

29. О «позднем» берлинском Просвещении и дискуссии о сущности Просвещения на страницах *Berlinische Monatsschrift* см., напр.: Gerlach H.-M. Kant und die Berliner Aufklärung // *Revolution der Denkungsart: Zum 200. Todestag von Immanuel Kant. Sitzungsberichte der Leibniz-Sozietät* / W. Eichhorn (Hg.). 2004. Bd. 69. S. 55–64.

немецких источников радищевского текста³⁰, но в ней мы также не находим даже упоминания о Канте. Аналогично обстоит дело с подробнейшими историческими и текстологическими комментариями Западова. Главе «Торжок» в этих комментариях уделяется, пожалуй, даже больше внимания, чем другим главам³¹, но Кант тоже не упоминается.

Единственное сопоставление главы «Торжок» со статьей Канта, которое нам удалось найти, присутствует в статье современного исследователя Иоахима Клейна. Здесь отмечается «поразительная параллель» критической позиции и сходство «метафорики „совершеннолетия“» у Радищева и Канта, но автор ограничивается кратким и очень общим замечанием о «духовном родстве этих двух авторов», которое, полагает он, «объясняется скорее общим контекстом европейского Просвещения»³².

Почему же специалисты по творчеству Радищева не опознали в тексте главы «Торжок» заимствования из Канта? Можно предположить, что здесь радищеведение в определенном смысле пошло по ложному следу, по которому его направил сам Радищев.

Сразу после рассуждений о цензуре как «няньке рассудка», об «опекунах» и о «малолетних разумах» Радищев, не упоминая Канта, без какого-либо перехода продолжает: «Послушаем Гердера» — и приводит довольно большой, величиной с абзац, фрагмент из сочинения Гердера «О влиянии правительства на науки и наук на правительство» в собственном переводе. Барсков в статье, посвященной главе «Торжок», цитирует фрагмент о «няньках рассудка», «опекунах» и «малолетних разумах» в связи с указом Екатерины о вольных типографиях, никак не атрибутирует его (называя весь фрагмент «эти „размышления“») и, следуя за Радищевым, сразу переходит к анализу радищевского перево-

30. Барсков Я. Л. «Торжок» А. Н. Радищева // XVIII век: Ст. и мат.-лы. Сб. 2 / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом); отв. ред. Г. А. Гуковский. М.: Л.: АН СССР, 1940. С. 54–76.

31. См.: Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. С. 661.

32. Клейн И. «Птенцы учат матку»: принцип критического разума в «Путешествии из Петербурга в Москву А. Н. Радищева» // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова / Отв. ред. А. М. Молдован. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 407. Автор дословно воспроизводит свое наблюдение в: Он же. Русская литература в XVIII веке. М.: Индрик, 2010. С. 339. Андрей Костин также обратил внимание на сходство соответствующих фрагментов у Радищева и Канта, но его наблюдение осталось неопубликованным. Он поделился им со мной после того, как по моей просьбе любезно прочел подготовленный к печати текст настоящей статьи.

да фрагмента из Гердера в сопоставлении с оригиналом³³. В статье Барскова мы находим также подробный анализ радищевского очерка истории цензуры, где тщательнейшим образом характеризуются немецкие источники, из которых Радищев берет исторические сведения для своего очерка, — но Кант как источник остался неизученным.

В комментарии Западава также уделяется внимание радищевской ссылке на Гердера и радищевскому переводу фрагмента из сочинения Гердера. Кантовский фрагмент текста Радищева в этом комментарии никак не отмечен³⁴.

Таким образом, не сославшись в этом месте «Путешествия» на Канта, но сославшись в следующем фрагменте на Гердера, Радищев вольно или невольно замаскировал от читателя источник заимствования — и заодно направил несколько поколений исследователей его творчества по ложному следу.

Остается ответить на наш второй и, возможно, главный вопрос: почему Радищев не сослался на Канта?

33. «Изложив эти „размышления“, Радищев цитирует Гердера (1744–1803) „О влиянии правительства на науки и наук на правительство“. Это рассуждение было представлено Гердером в 1780 году на тему, предложенную в 1778 году Берлинской Академией наук: „Каково было влияние правительства на науки у народов, среди которых они процвели, и каково было влияние наук на правительство?“ Привожу текст Гердера и, для сравнения, превосходный перевод Радищева...» (*Барсков Я. Л.* Указ. соч. С. 54). Интересно отметить, что комментарий Барскова в определенном смысле сам подтверждает версию ложного следа. Барсков справедливо подчеркивает, что ссылка на Гердера для подкрепления требования полной отмены цензуры выглядит у Радищева искусственной, поскольку Гердер защищает скорее противоположный тезис и настаивает на необходимости цензурирующего контроля над печатью со стороны государства: «Хотя Радищев ссылается на Гердера, но берет у него мало и во многом с ним расходится. „Рассуждение“ Гердера занимает 98 страниц, а все отрывки, взятые Радищевым, — одну. Радищев заимствовал у Гердера лишь то, что клонится в пользу просвещения и служит в защиту свободы слова. Гердер требует, чтобы правительство наблюдало за нравами, не допускало разнужданность идей, воспрещало некоторые науки, имело надзор за молодыми людьми, которые готовятся на государственную службу или же состоят на ней, запрещало богохульные и безнравственные сочинения и прибегало к содействию благонамеренных писателей — все это не вошло в книгу Радищева» (Там же. С. 58). Таким образом, сам Барсков косвенно подтверждает, что Гердера вряд ли можно считать источником формулировки проекта Просвещения, которую мы находим в главе «Торжок».

34. *Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. С. 662.

VII

Однозначно ответить на этот вопрос затруднительно. В качестве гипотезы можно предложить два объяснения: одно более приземленное, или «реалистическое», второе более поэтичное, или «философическое».

Первое объяснение опирается на аргументы традиционной фактологической истории. Фигура Канта вызывала резкое отторжение у некоторых друзей и знакомых Радищева, в первую очередь в кругу московских и петербургских масонов. В масонском окружении Радищева Кант слышит скептиком, чуть ли не атеистом, его критическая философия рассматривается как радикально враждебная масонской мистике и масонскому эзотерическому пути познания. Не случайно Карамзин, отправляясь в 1789 году в свое знаменитое путешествие по Европе и планируя посетить многих именитых литераторов и философов, решает прежде всего заехать в Кёнигсберг и нанести визит Канту³⁵. С точки зрения Юрия Лотмана, со стороны Карамзина это символический жест, подчеркивающий его демонстративное дистанцирование от круга московских масонов, в котором он долгое время вращался и в котором отношение к философии Канта характеризовалось резким неприятием³⁶.

Между тем Радищев, очевидно, хотел видеть среди читателей «Путешествия» и образованную публику из масонской среды, которая в России этого времени была влиятельной интеллектуальной силой. Уже завершив основной текст «Путешествия», он добавит в самое начало книги отдельный фрагмент-посвящение, обращенный к «А. М. К.» (Радищев укажет только инициалы), то есть к Алексею Михайловичу Кутузову, близкому другу Радищева с юных лет, с которым он вместе состоял в Пажеском корпусе, а затем провел пять лет в университете в Лейпциге. Кутузов принадлежал к тому же, что и Карамзин, кружку московских масонов, лидером которого во второй половине 1780-х годов был, как принято считать, Николай Новиков. Из посвящения ясно, что Радищев надеется своей книгой привлечь старого друга на свою сторону — несмотря на разделяющие их идейные

35. Карамзин описывает свою встречу с Кантом в 8-м письме своих «Писем русского путешественника» (*Карамзин Н. М. Письма русского путешественника*. Л.: Наука, 1984. С. 20–21).

36. *Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина*. М.: Книга, 1987. С. 63–69.

расхождения³⁷. Для этого ему нужно убедить адресата ни больше ни меньше как в необходимости изменить свой взгляд на моральную природу человека и на причины социальной несправедливости и бедственного положения большинства людей. И среди прочего убедить его в необходимости направить критический мысленный взор не «вовнутрь» человека, но «вовне» — иными словами, перейти от свойственных масонам поисков мистических корней зла в человеческой душе к анализу общественно-политических условий жизни людей. Ибо задача состоит именно в том, чтобы посредством изменения этих условий способствовать изменению образа мыслей и образа действий людей и таким образом содействовать успеху проекта Просвещения³⁸. Понимать Просвещение как путь сугубо внутреннего мистического совершенствования душ — заблуждение; Просвещение нужно рассматривать как проект политический. И если Радищев рассчитывал повлиять своей книгой в том числе и на масонскую среду и/или как минимум привлечь на свою сторону старого друга и «сочувственника» Алексея Кутузова — а это, очевидно, так³⁹, — то отсутствие в тексте «Путешествия» ссылок на Кан-

37. «А. М. К. Любезнейшему другу. Что бы разум и сердце произвести ни захотели, тебе оно, О! сочувственник мой, посвящено да будет. Хотя мнения мои о многих вещах различествуют с твоими, но сердце твое бьет моему согласно — и ты мой друг. <...> Если, говорил я сам себе, я найду коголибо, кто намерение мое одобрит; кто ради благой цели, неопорочит неудачное изображение мысли; кто состраждет со мною над бедствиями собратий своей; кто в шествии моем меня подкрепит; не сугубой ли плод произойдет от подъятаго мною труда?.. Почто почто мне искать далеко кого либо? Мой друг! ты близь моего сердца живеш — и имя твое да озарит сие начало» (*Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву*. С. 227).

38. Владимир Западов полагает, что предпосланное «Путешествию» обращение к Алексею Кутузову нужно рассматривать как ключ к прочтению всей книги Радищева в целом (*Он же. Путешествие из Петербурга в Москву*. Вольность. С. 601–602). С точки зрения Западова, в нем прямо заявлена главная цель — «агитационная, открыто пропагандистская, прямо публицистическая», которую Радищев преследует своей книгой: «привлечь не только „сочувственников“, но и единомышленников» (Там же. С. 602).

39. Юрий Лотман также отмечает, что в этом была цель Радищева. В статье, посвященной отношениям Радищева и Кутузова, Лотман задается вопросом: «Почему Радищев, спорящий с масонами, полемизирующий с их философией и считающий принципы, исповедуемые его другом розенкрейцером А. М. Кутузовым, — заблуждениями, все же не теряет надежды привлечь своих идейных противников на свою сторону?» (*Лотман Ю. М. «Сочувственник» А. Н. Радищева А. М. Кутузов и его письма к И. П. Тур-*

та, к которому масоны относились резко отрицательно, вполне объяснимо.

VIII

Второе возможное объяснение отсутствия ссылки на Канта — «поэтическое», или «философическое», — опирается на аргументы современной политической теории и интеллектуальной истории и связано с тем, как Радищев видит свою собственную роль в качестве актора движения Просвещения. Здесь мы сталкиваемся с радикально новым явлением в интеллектуальной истории как российской, так и общеевропейской культуры. Можно утверждать, что Радищев в определенном смысле воплощает в себе новую для российской истории культурную фигуру, возникновение которой становится возможным только вместе с возникновением в России еще одного нового исторического феномена — публичной сферы.

Именно в екатерининское царствование в России начинает складываться заметный слой образованной публики, в этот период возникают и развиваются первые элементы публичной сферы (вначале литературной, затем, уже при Александре I, постепенно политизирующейся), и именно в этот момент в русской культуре параллельно зарождается еще один новый феномен — «общественное мнение», понимаемое как консолидированное мнение образованной публики или ее значительной части; используя кальку с французского и английского языков, мы могли бы сказать «публичное мнение» (*opinion publique, public opinion*).

Русское движение Просвещения этого периода — по крайней мере, та его ветвь, к которой принадлежит Радищев, — во многом ориентируется на модель французского Просвещения середины XVIII века. Вместе с рождением публичной сферы и появлением «публики» (в рассмотренном выше кантовском смысле слова) в русской культуре одновременно появляется и новая культурная модель (новая антропологическая фигура), которую, используя кальку с французского языка XVIII века, мож-

гевену // Собр. соч. М.: ОГИ, 1998. Т. 1: Русская литература и культура Просвещения. С. 101). Отвечая на свой вопрос, Лотман подчеркивает, что, несмотря на все различия во взглядах Радищева и Кутузова на «природу человека» и на пути ее изменения, их все же связывала и определенная интеллектуальная близость, а не только «дружба сердца»; оба признавали высшую ценность движения Просвещения, оба видели свою миссию в том, чтобы быть его участниками.

но обозначить как «человек письмен» (*homme de lettres*) — или, если позволить себе несколько модернизировать язык, «публичный интеллектурал».

Радищев принадлежит к этому первому в российской истории поколению *hommes de lettres*, ощущающих себя акторами, действующими посредством печатного слова в пространстве публичности — и одновременно на сцене Истории. Он примеряет на себя ту же культурную и общественно-политическую роль, какую во Франции середины — начала второй половины XVIII века берут на себя энциклопедисты⁴⁰. То, как видят свою миссию французские *hommes de lettres* внутри движения Просвещения, ярко выражено во фрагменте речи Кретьена де Мальзерб, произнесенной при вступлении во Французскую академию в 1775 году:

Публика (*le public*) с жадным любопытством обращается к предметам, которые в прежние времена были ей в высшей степени безразличны. Возник суд, не зависящий ни от каких властей и всеми властями уважаемый, суд, ценящий все таланты, выносящий оценки всем видам заслуг. И в просвещенный век, в век, когда каждый гражданин через печать может говорить со всей нацией (*nation*), те, кто наделен талантом учить людей и даром трогать сердца, одним словом, люди письмен (*gens de lettres*), стали для рассеянной на больших расстояниях публики тем, чем были ораторы Рима и Афин посреди народного собрания⁴¹.

Отметим в этом фрагменте два утверждения, которые соответствуют стилю мышления Радищева как «человека письмен». Во-первых, когда возникает феномен общественного мнения (*opinion publique*) в политическом смысле слова, то есть в эпоху Просвещения, последнее начинает рассматриваться в отношении всех вопросов, наделенных публичной значимостью, как новый трибунал, с которым должны считаться все сильные мира

40. Ее, в частности, хорошо характеризует статья Вольтера *Gens de lettres* в «Энциклопедии»: *Voltaire. Gens de lettres // Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. 1757. Т. 7. P. 599–602. Выражения *hommes de lettres* и *gens de lettres* во французском языке этого времени употребляются как синонимы.*

41. *Discours de réception de M. de Malesherbes à l'Académie française Le 16 février 1775 // Académie française. 16.02.1775. URL: <https://www.academie-francaise.fr/discours-de-reception-de-m-de-malesherbes>.*

сего⁴². Как мы видели выше, у Радищева в главе «Торжок» заявлен очень похожий тезис о статусе «суждения общего»⁴³. Во-вторых, в эпоху Просвещения, когда «каждый гражданин через печать может говорить со всей нацией», «люди письмен» благодаря печатному слову оказываются для современной гражданской нации тем же, чем были греческие политические ораторы на агоре или римские республиканцы в Сенате и на площади — теми, кто объединяет разрозненную совокупность частных лиц в единое самоуправляющееся политическое сообщество, полис или республику. Эта отсылка к политическим формам греко-римской античности — одна из базовых фигур мысли, характеризующих общеевропейскую интеллектуальную традицию гражданского республиканизма.

Радищев очевидным образом ощущает себя своего рода пророком и проповедником этой новой эры, эры политического красноречия посредством печатного слова, или, говоря его собственным языком, «витийства гражданского»⁴⁴. Вероятно, точнее было бы сказать, что он ощущает себя так не всегда, но именно в те моменты, когда действует в роли создателя литературного или публицистического текста, предназначенного для широкой публики⁴⁵. Этот экстатический энтузиазм пророка-проповедника Просвещения чувствуется в текстах Радищева, в частности, когда он вспоминает о Вольтере, явно или неявно уподобляя себя французскому образцу. В «Путешествии» упоминание о таком вольтеровском «экстатическом» гражданском красноречии мы находим в главе «Подберезье»:

42. Подробнее об этом см. главу «Суд общественного мнения» в кн.: *Шартье Р.* Указ. соч. С. 41–45. Шартье, в частности, подчеркивает сходство взглядов на функцию печатного слова у Мальзерба и у Канта в статье 1784 года: «Для Мальзерба, как позже и для Канта, хождение печатного слова делает возможным преобразование нации, где люди неизбежно разобщены и каждый высказывает свои мысли в узком кругу, в сплоченную публику...» (Там же. С. 42).

43. См. сноски 22 и 23.

44. См., напр., в «Путешествии», в «Слове о Ломоносове»: *Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. С. 389. Как и у Мальзерба, у Радищева здесь образцом и моделью политического красноречия выступают демократические Афины и республиканский Рим.

45. Есть, конечно, и другие роли, в режиме которых Радищев, как почти все российские *hommes de lettres* его поколения, существует в другие моменты времени и в других обстоятельствах: роль чиновника, роль придворного, роль помещика и т. д., — но нас здесь интересует только эта первая роль, новая для российской истории и соответствующая идентичности актора общеевропейского движения Просвещения.

Оглянись назад, кажется еще время то за плечами близко, в которое царствовало суевие, и весь, его причет, невежество, рабство, инквизиция, и многое кое что. Давно ли то было, как Вольтер кричал против суевия до безголосицы...⁴⁶

И почти дословное повторение той же фигуры речи мы видим в записке «О законоположении», написанной почти пятнадцать лет спустя, в 1801–1802 годах, уже после возвращения из ссылки, когда Радищев задним числом будет характеризовать ушедшую в прошлое эпоху Екатерины II:

Она вступила на престол... когда Волтер проповедовал терпимость до безголосицы, бич гонения воздвиг на суевие и пустосвятство преследующим оружием насмешки, и язык его, яко бритва изощренный, сокрушал сии бранные исступления...⁴⁷

Вернемся теперь к нашему вопросу. Какое отношение все это имеет к проблеме отсутствия у Радищева ссылки на Канта, — если мы правы, и формулировка проекта Просвещения в главе «Торжок» рождается у Радищева, в частности, под влиянием статьи Канта 1784 года, а рассмотренный нами фрагмент представляет собой прямое заимствование из этой статьи? Наша «поэтическая» гипотеза будет такой. Возможно, в тех фрагментах текста, где Радищевым овладевает пророческий пафос, его персонажи «забывают» делать нужные ссылки на авторов и источники по тем же причинам, по которым ученые ссылки и комментарии всегда отсутствуют в речах пророков, — поскольку это речи пророков. Причины эти, в частности, стилистические. Этот феномен хорошо поясняет Борхес на примере ницшевского Заратустры: «...ведь в пророческом слоге неуместны кавычки»⁴⁸.

Отметим, что по меньшей мере в конце XVIII века миссия пророка делает отсутствие кавычек и ссылок на источники вполне извинительным — в том числе в глазах самого пророка, — даже если речь идет об одном из самых образованных правоведов и *hommes de lettres* своего времени. Это означает, что два предложенных нами объяснения, возможно, не противоречат друг другу, но друг друга дополняют.

46. Там же. С. 247.

47. Он же. О законоположении (1801–1802). С. 147.

48. Борхес Х.-Л. Учение о циклах / Пер. с исп. Е. Лысенко // Соч.: В 3 т. / Пер. с исп., сост., предисл., комм. Б. Дубина. Рига: Полярис, 1994. Т. 1. С. 188.

Библиография

- Барсков Я. Л. «Торжок» А. Н. Радищева // XVIII век: Ст. и мат.-лы. Сб. 2 / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом); отв. ред. Г. А. Гуковский. М.; Л.: АН СССР, 1940. С. 54–76.
- Борхес Х.-Л. Учение о циклах // Соч.: В 3 т. / Пер. с исп., сост., предисл., комм. Б. Дубина. Рига: Полярис, 1994. Т. 1.
- Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Собр. соч.: В 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 8. С. 12–28.
- Кант И. Критика способности суждения // Собр. соч.: В 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 5.
- Кант И. Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? // Собр. соч.: В 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 8. С. 29–37.
- Каплун В. Современность по Фуко: альтернативный проект Просвещения // Неприкосновенный запас. 2015. № 1. С. 104–119.
- Каплун В. Что такое Просвещение? Рождение публичной сферы и публичной политики в России // Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт развития и взаимодействия / Под ред. А. Сунгурова. М.: РОССПЭН, 2008. С. 333–345.
- Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984.
- Клейн И. «Птенцы учат матку»: принцип критического разума в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова / Отв. ред. А. М. Молдован. М.: Языки славянской культуры, 2006.
- Клейн И. Русская литература в XVIII веке. М.: Индрик, 2010.
- Костин А. Композиция и проблематика главы «Подберезье» «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева // А. Н. Радищев: русское и европейское Просвещение. СПб.: СПбНЦ РАН, 2003.
- Круглов А. Н. Несовершеннолетие и задача истинного преобразования образа мышления. Часть I // Кантовский сборник. Калининград: БФУ им. И. Канта, 2014. № 3 (49). С. 19–39.
- Круглов А. Н. Философия Канта в России в конце XVIII — первой половине XIX века. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009.
- Лотман Ю. М. «Сочувственный» А. Н. Радищева А. М. Кутузов и его письма к И. П. Тургеневу // Собр. соч. М.: ОГИ, 1998. Т. 1: Русская литература и культура Просвещения.
- Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987.
- Радищев А. Н. О законоположении (1801–1802) // Полн. собр. соч.: В 3 т. М.; Л.: АН СССР, 1954. Т. 3.
- Радищев А. Н. Письма // Полн. собр. соч.: В 3 т. М.; Л.: АН СССР, 1954. Т. 3.
- Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Полн. собр. соч.: В 3 т. М.; Л.: АН СССР, 1938. Т. 1.
- Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. СПб.: Наука, 1992.
- Русская журналистика в документах: история надзора / Сост. О. Д. Минаева; под ред. Б. И. Есина и Я. Н. Засурского. М.: Аспект Пресс, 2003.
- Фуко М. Что такое Просвещение? // Он же. Интеллектуалы и власть: В 3 т. М.: Праксис, 2002. Т. 1. С. 335–359.
- Хабермас Ю. Модерн — незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 40–52.

- Хабермас Ю. Структурная трансформация публичной сферы: Исследования относительно одной категории буржуазного общества. М.: Весь мир, 2016.
- Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь мир, 2008.
- Шартье Р. Культурные истоки Французской революции. М.: Искусство, 2001.
- Chartier R. Public Sphere: Eighteenth-Century History // International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences / N. Smelser, P. Baltes (eds). Amsterdam: Elsevier, 2001. P. 12590–12594.
- Discours de réception de M. de Malesherbes à l'Académie française Le 16 février 1775 // Académie française. 16.02.1775. URL: <http://academie-francaise.fr/discours-de-reception-de-m-de-malesherbes>.
- Gerlach H.-M. Kant und die Berliner Aufklärung // Revolution der Denkungsart: Zum 200. Todestag von Immanuel Kant (Sitzungsberichte der Leibniz-Sozietät) / W. Eichhorn (Hg.). 2004. Bd. 69. S. 55–64.
- Voltaire. Gens de lettres // Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. 1757. T. 7. P. 599–602.

THE ORIGINS OF RUSSIAN POLITICAL MODERNITY: DID RADISHCHEV
“CRIB” HIS ENLIGHTENMENT PROJECT FROM KANT? (AND IF SO, WHY
DIDN’T HE CITE THE SOURCE?)

VIKTOR KAPLON. Academic Supervisor, *Res Publica* Research Center; Associate Professor, Department of Sociology, Saint-Petersburg School of Social Sciences and Area Studies, kaploun@eu.spb.ru.

European University at St. Petersburg (EUSP), 6/1A Gagarinskaya St.,
191187 St. Petersburg, Russia.

National Research University Higher School of Economics in Saint Petersburg
(HSE St. Petersburg), 16 Soyuzna Pechatnikov St., St. Petersburg 190121, Russia.

Keywords: Alexander Radishchev; Immanuel Kant; Enlightenment; classical republicanism; public use of reason; public sphere; *hommes de lettres*; political theory; literary theory; political modernity.

The paper argues that Alexander Radishchev’s well-known work *A Journey from St. Petersburg to Moscow* (1790), which is a seminal text for the Russian Enlightenment, contains an unattributed passage borrowed from Immanuel Kant’s essay “What Is Enlightenment” (1784). That passage is by no means extraneous; it is crucial for understanding the logic of Radishchev’s republican Enlightenment project, which was an important origin of political modernity in Russia. In keeping with Kant, Radishchev views the Enlightenment as a singular historical stage in the evolution of European societies and as the core component of emancipation for the modern era, which represents the transition of European societies from a state of subjugation to despotic powers (the “state of slavery”) to a state of autonomy or self-governance (the “state of freedom”). Although at the time *Journey* was written Kant’s article was not widely known in Russia, Radishchev was clearly familiar with it. In addition to the passage directly transcribed from Kant’s article, Radishchev’s text addresses all the basic political and philosophical issues that Kant linked to the concept of “the public use of reason,” although Radishchev tailored them to the socio-political situation in late eighteenth-century Russia.

However, if Radishchev really borrowed the formulation of the Enlightenment project directly from Kant — or at least did so partially — why wouldn’t he cite his source? Moreover, why did he mislead his readers, along with generations of literary historians, by using confusing references? The paper argues that addressing these questions through the lens of contemporary political theory would allow a better understanding of the distinctive features of the Enlightenment in Russia and literary practices during the late eighteenth and early nineteenth centuries.

DOI: 10.22394/0869-5377-2021-5-27-54

References

- Barskov Ia. L. “Torzhok” A. N. Radishcheva [A. N. Radishchev’s “Torzhok”]. *XVIII vek: St. i mat-ly. Sb. 2* [18th Century: Papers and Materials. Coll. 2] (ed. Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the USSR Academy of Sciences, chief ed. G. A. Gukovsky), Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1940, pp. 54–76.
- Borges J. L. Uchenie o tsiklakh [La doctrina de los ciclos]. *Soch.: V 3 t.* [Works: In 3 vols] (ed., trans. B. Dubin), Riga, Poliaris, 1994, vol. 1.
- Chartier R. *Kul’turnye istoki Frantsuzskoi revoliutsii* [Les Origines culturelles de la Révolution française], Moscow, Iskusstvo, 2001.

- Chartier R. Public Sphere: Eighteenth-Century History. *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences* (eds N. Smelser, P. Baltes), Amsterdam, Elsevier, 2001, pp. 12590–12594.
- Discours de réception de M. de Malesherbes à l'Académie française Le 16 février 1775. *Académie française*, February 16, 1775. URL: <http://academie-francaise.fr/discours-de-reception-de-m-de-malesherbes>.
- Foucault M. Chto takoe Prosveshchenie [Qu'est-ce que les Lumières?]. *Intellektualy i vlast': V 3 t.* [Intellectuals and Power: In 3 vols], Moscow, Praksis, 2002, vol. 1, pp. 335–359.
- Gerlach H.-M. Kant und die Berliner Aufklärung. *Revolution der Denkungsart: Zum 200. Todestag von Immanuel Kant (Sitzungsberichte der Leibniz-Sozietät)* (Hg. W. Eichhorn). 2004, Bd. 69, S. 55–64.
- Habermas J. *Filosofskii diskurs o moderne* [Der philosophische Diskurs der Moderne], Moscow, Ves' mir, 2008.
- Habermas J. Modern — nezavershennyi proekt [Die Moderne — ein unvollendetes Projekt]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 1992, no. 4, pp. 40–52.
- Habermas J. *Strukturnaia transformatsiia publichnoi sfery: Issledovaniia otnositel'no odnoi kategorii burzhuaznogo obshchestva* [Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft], Moscow, Ves' mir, 2016.
- Kant I. Ideia vseobshchei istorii vo vsemirno-grazhdanskom plane [Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht]. *Sobr. soch.: V 8 t.* [Collected Works: In 8 vols], Moscow, Choro, 1994, vol. 8, pp. 12–28.
- Kant I. Kritika sposobnosti suzhdeniia [Kritik der Urteilskraft]. *Sobr. soch.: V 8 t.* [Collected Works: In 8 vols], Moscow, Choro, 1994, vol. 5.
- Kant I. Otvet na vopros: Chto takoe Prosveshchenie? [Beantwortung der Frage: Was ist Aufklärung?]. *Sobr. soch.: V 8 t.* [Collected Works: In 8 vols], Moscow, Choro, 1994, vol. 8, pp. 29–37.
- Kaploun V. Chto takoe Prosveshchenie? Rozhdenie publichnoi sfery i publichnoi politiki v Rossii [What Is Enlightenment? Birth of the Public Sphere and Public Politics in Russia]. *Publichnoe prostranstvo, grazhdanskoe obshchestvo i vlast': opyt razvitiia i vzaimodeistviia* [Public Space, Civil Society and Power: Experience of Development and Interaction] (ed. A. Sungurov), Moscow, ROSSPEN, 2008, pp. 333–345.
- Kaploun V. Sovremennost' po Fuko: al'ternativnyi proekt Prosveshcheniia [Modernity According to Foucault: Alternative Project of Enlightenment]. *Neprikosnovennyi zapas* [Emergency Reserve], 2015, no. 1, pp. 104–119.
- Karamzin N. M. *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Letters of a Russian Traveler], Leningrad, Nauka, 1984.
- Klein J. “Ptentsy uchat matku”: printsip kriticheskogo razuma v “Puteshestvii iz Peterburga v Moskvu” A. N. Radishcheva [“The Chicks Teach the Hen”: The Principle of Critical Reason in A. N. Radishchev's “Voyage”]. *Verenitsa liter: K 60-letiiu V. M. Zhivova* [A String of Words: On the 60th Anniversary of V. M. Zhivov] (ed. A. M. Moldovan), Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury, 2006.
- Klein J. *Russkaia literatura v XVIII veke* [Russian Literature in 18th Century], Moscow, Indrik, 2010.
- Kostin A. Kompozitsiia i problematika glavy “Podbereze” “Puteshestviia iz Peterburga v Moskvu” A. N. Radishcheva [The Composition and the Problematic of “Podbereze” Chapter in A. N. Radishchev's “Journey From St. Peters-

- burg to Moscow”]. *A. N. Radishchev: russkoe i evropeiskoe Prosveshchenie* [A. N. Radishchev: The Russian and European Enlightenment], Saint Petersburg, SPbNTs RAN, 2003.
- Kruglov A. N. *Filosofia Kanta v Rossii v kontse XVIII—pervoi polovine XIX veka* [Philosophy of Kant in Russia at the End of 18th and First Half of the 19th Century], Moscow, “Kanon+” ROOI “Reabilitatsiia”, 2009.
- Kruglov A. N. Nesovershennoletie i zadacha istinnogo preobrazovaniia obraza myshleniia. Chast’ I [Immaturity and the Task of a True Reform in Ways of Thinking. Part I]. *Kantovskii sbornik* [Kantian Journal], Kaliningrad, IKBFU, 2014, no. 3 (49), pp. 19–39.
- Lotman Y. “Sochuvstvennik” A. N. Radishcheva A. M. Kutuzov i ego pis’ma k I. P. Turgenevu [A. N. Radishchev’s “Confederate” A. M. Kutuzov and his Letters to I. P. Turgenev]. *Sobr. soch.* [Collected Works], Moscow, OGI, 1998, vol. 1: Russkaia literatura i kul’tura Prosveshcheniia [Russian Literature and the Culture of Enlightenment].
- Lotman Y. *Sotvorenie Karamzina* [The Creation of Karamzin], Moscow, Kniga, 1987.
- Radishchev A. N. O zakonopolozhenii (1801–1802) [On Legislation (1801–1802)]. *Poln. sobr. soch.: V 3 t.* [Complete Works: In 3 vols], Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1954, vol. 3.
- Radishchev A. N. Pis’ma [Letters]. *Poln. sobr. soch.: V 3 t.* [Complete Works: In 3 vols], Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1954, vol. 3.
- Radishchev A. N. Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu [Journey from St. Petersburg to Moscow]. *Poln. sobr. soch.: V 3 t.* [Complete Works: In 3 vols], Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1938, vol. 1.
- Radishchev A. N. *Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu. Vol’nost’* [Journey from St. Petersburg to Moscow. Liberty], Saint Petersburg, Nauka, 1992.
- Russkaia zhurnalistika v dokumentakh: istoriia nadzora* [Russian Journalism in Documents: History of Supervision] (eds O. D. Minaeva, B. I. Esin, Y. N. Zaslavskii), Moscow, Aspekt Press, 2003.
- Voltaire. Gens de lettres. *Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*, 1757, t. 7, pp. 599–602.

Статьи предлагаемой подборки написаны по материалам докладов международной конференции «Мировоззрение / картина мира: вехи интеллектуальной истории», проходившей 28–30 ноября 2019 года на базе департамента филологии санкт-петербургского кампуса Высшей школы экономики при поддержке Центра франко-российских исследований совместно с Европейским университетом в Санкт-Петербурге.

Конференция объединила специалистов по философии, интеллектуальной истории, истории литературы и искусства из России, Франции и других стран. Ее задачей было сравнить разные национальные традиции, в которых функционируют понятия «мировоззрение» и «картина мира», определить различия в их смысле и в переводе с одного языка на другой, соотнести эту их вариативность с общей идеей относительности «взгляда» на мир, заключенной в понятии «мировоззрения». Вторая часть материалов конференции будет опубликована в журнале «Новое литературное обозрение».